

Вятские побывальщины

За годы советской власти проблема полов и полового воспитания усилиями большевиков была окончательно загнана в подворотню как явление глубоко чуждое народу. Нашей национальной одеждой на долгие годы стали ватник, шапка-ушанка и кирзачи с портянками, а воспитанные в подворотне поколения русских людей в вопросах пола окончательно перешли на так называемую ненормативную лексику. Что касается нормативной, то слова «секс», «эротика», «порно», масса других терминов, обслуживающих интимную сферу человеческих отношений, большей частью имеют иностранное происхождение. Но народное творчество от этого не оскудело. Множество анекдотов, остроумных рассказов устного народного творчества тому свидетельство. В этом отношении, мы считаем, по-настоящему прорывной в современной литературе России стала книга рассказов Льва Кожевникова «Вятские охальные сказки и побывальщины», увидевшая свет в конце прошлого года в Казани. Сюжеты книги, представленные в небольшой по объёму подборке, по словам автора, записаны на севере Кировской области во время его поездок в качестве журналиста. Это типичные байки из подворотни, охальные, с элементами баснословия, иногда откровенного вранья, когда вполне реальные события самым причудливым образом переплетаются с выдумкой и домыслами.

В конце каждого рассказа писатель даёт имя рассказчика с кропотливым пояснением, кто он по профессии, должности или гражданскому состоянию. Попробуем поверить автору в этих конкретных сказителей, хотя не очень-то верится. Л.Кожевников подошёл к материалу как подлинный мастер – где-то обобщил, где-то гиперболизировал, но в целом чувствуется, что побывальщины написаны писателем бывалым, мастеровитым. Не так всё просто и лежит на поверхности в его рассказах. Взять хотя бы «Морковную грядку», которую мы сегодня публикуем. Его герой Валерий Фокин (Фока) вдарился в политику, бегал митинговал, плакаты на грудь вешал, под танки ложился, но вот в один прекрасный день увидел женщину, пропалывающую на своем дачном участке морковную грядку, и понял, что всю жизнь занимался не тем.

Морковная грядка

побывальщина

214

Ну, такого шебутного мужика, как Валерка Фокин, я сроду не видывал. Бес, что ли, в нём засел и гоняет туда-сюда, ажно подметки дымятся. Маленький сам, пенёк коренастый, а голосище у Фоки – ну чисто дьякон с амвона. Как рявкнет, бывало, над ухом, всё, иди мотню выжимай, если раньше инфаркт не случился.

Он так-то на митинге на одну бабёнку райкомовскую рявкнул. Она какую-то чушь с трибуны уже полчаса по бумажке читала. Так чё ты думаешь? Вырубилась баба начисто. Её товарищи по партии под руки уволокли, описанную.

Но Фока и сам митинги страсть как любил. Он всё боролся, начальство с трибун обличал. Ему слово не дают, к микрофону не подпускают или вовсе выключат, так Фока из задних рядов как начнёт правду-матку резать прямо в глаза. Матом так матом, в выражениях не стеснялся. И откуда чего разношает только: кто из начальства сколь украл, чью квартиру любовнице передал, на какие шиши дачу строит. Дело до того дошло, что коммунисты из-за Фоки вовсе митинги собирать перестали.

А тут перестройка долбана...

Наш Фока местных коммунистов уже персонально каждого за задницу взял.

Проходу им в городе не стало. Как увидят Фоку издали, сразу в подворотню ныряют. Лучше на цепного пса нарваться, чем с Фокой дело иметь.

В те годы Фока социализм с человеческим лицом вокруг себя пропагандировал. Потом его чё-то в Москву унесло. Масштабы, видать, другие потребовались... политика, тесно ему стало. Через полгода воротился оттудова, ну, гляжу, крыша совсем поехала. Дурная энергия из мужика так и прёт. Уже поговорить по-людски невозможно стало, сразу учить начинает. А если что Фоке поперёк шерсти скажешь, сразу палец в грудь тебе воткнёт: «А ты где, сукин сын, был в августе девяносто первого? Я – на баррикадах у «Белого дома» демократию защищал. Вот этими вот руками. За вас, сволочей, под танки ложился!»

Короче, стал Фока большим демократом. Но тоже ненадолго. Через полгода опять в Москву смотался, чего-то там погорлопанил и приезжает уже журиновцем. Кучу газет, брошюр натащил и районное отделение демократо-либеральной партии зарегистрировал. Тут шуму больше прежнего стало. Такую борьбу развернул вокруг себя, весь город на ушах стоит: каждый день ми-

тинги, листовки, пикеты. Всем пинков от Фоки перепало – и коммунистам, и «дерьмократам», и монархистам, и Международному валютному фонду, и про начальство тоже не забывал.

Тогда наши начальники решили Фоку купить, чтобы на их счёт заткнулся раз и навсегда. Предложили хлебное место в какой-то коммерции и должность в мэрии. Дом обещали в три этажа построить.

Тут бы Фоке и успокоиться, этикие деньжищи сами в руки плывут. Но Фока так развоевался, что уже и остановиться не может. Кулаки сами собой воздух вокруг месят. А может, и впрямь бес в нём засел? Короче, это предложение от начальства Фока на всех углах со всех трибун раскукарекал. Здорово духарился, орал, что его за политическую проститутку держат.

Но то ли народ у нас такой порченный, то ли безденежье людей задавило, никто Фоку не понял. А один мужик так ему и сказал:

– Дурак ты, Фока, недоделанный. Не стану за тебя больше голосовать.

После этого Фока тоже решил на народ обидеться. Когда на очередном митинге в честь обманутых вкладчиков его попросили слово сказать, Фока отказался. Наотрез.

– Всё, – говорит, – хватит. Я ухожу из большой политики. Надоело.

И ушёл. Повернулся к народу спиной, кепку на нос и удалился с собрания.

Короче, народ без Фоки осиротел. Не стало у народа заступника.

А ушёл Фока из большой политики напрямик в большой бизнес. Сначала он в Турцию пару раз смотался, какое-то шматьё толкнул, но не понравилось, бросил. Потом киоск поставил, тоже бросил. Потом артель затеял, разорился, налогами задушили. В фермеры подавался, но тут местное начальство (теперь уже демократы) по старой памяти вместо земли и кредитов Фоке фигу в глаз – накося выкуси.

Крутился Фока, крутился так-то и вдруг читает в газетке, что господин

Чебайс только налогов за минувший год аж пятьсот миллионов рублей утаил. За голову схватился. Мать твою!.. Неделю бегал Фока с этой газетой по улицам, всем в нос тыкал. На следующей неделе намалевал на куске фанеры суриком лозунг: «Воров-миллиардеров Чебайса и Чурномырдина пора мочить. Собираю деньги на киллера!!!»

С этой фанерой поехал Фока в Москву к «Белому дому», пикеты устраивать. Но не доехал чё-то. В областном центре его видели с этой фанеркой на шее. Сначала на вокзале, потом на площади перед мэрией. Шибко орал, говорят. Матом крыл. Но народ на этот раз Фоку поддержал. Ни один человек мимо не прошёл. Старухи и те последние рубли на киллера отдавали. Опустит такая бабулька бумажку в мешок и крестит Фоку дрожащей щепотью.

– Бог помощь тебе, сынок, бог помощь...

За пару дней Фока пять мешков денег в камеру хранения снёс. А на третий народного заступника менты на глазах у всего честного народа повязали. А чтобы не орал и не брыкался, резиновой палкой по башке со всей силы жахнули.

Очухался Фока уже в ментовке да как заорёт:

– Братцы, меня-то за что?! Да я ж у народа ни копейки не взял. Вас-то ведь тоже, дурачков, обокрали!

Но эти петьки, васьки, витьки – менты поганые, ссученные, как начали Фоку сапогами месить, дубинами полосовать, будто лютее врага, чем этот мужичонка, у них сроду не было. Били-били, пинали-пинали, Фока уж и не шевелится. Потом в машину запихнули и за городом на свалке выбросили.

Сколько он там провалялся, Фока вспомнить потом не мог. Очнулся, когда почувал, что с ног ботинки стаскивают. Глаза открыл, а над ним бомжи копошатся. Старик со старухой. За мёртвого его посчитали. Вот они, старик со старухой, и выходили Фоку, на ноги народного заступника поставили.

Дал им Фока денег за это, сел на попутную машину и домой отправился. Здоровье поправлять.

Правда, до дому его водила не довёз. Не по пути. Ссадил у дач.

Вот идёт Фока по дачному посёлку, задумался чё-то, а погодка славная стояла. Солнышко припекает, пчёлы над кустами гудят, зелено вокруг. Кой-где дачники в земле ковыряются, молотками стучат. Но Фока ничего этого не замечает, скорбно у Фоки на душе, и за державу окаянную шибко обидно. Куча навозная, не держава. Пока дерьмо в этой куче не перепреет, добра от неё не жди. Одна вонь... на всю Европу.

Идёт так-то Фока, печалуется, вдруг головушку поднял и поверх малины на грядках глядит – задница! Круглая, ядрёная, будто репа. Бабёшка молодая... то ли клубнику пропальывает, то ли морковку прореживает. Трусишки на ней, тыфу! одни резинки или веревочки, что ли. Модные, словом. Считай, ничего не прикрывают. Да ещё сбились на сторону. А поза известная: голова вниз, репа кверху. И в аккурат на Фоку всей на личностью, только руку протянуть из малинника и хватать за это самое...

Обалдел Фока от такого ракурса, будто палкой резиновой по башке трахнули. Во рту пересохло, руки-ноги дрожат, а уж чё там в штанах делается, подумать страшно.

Наконец с работой баба управилась, халатик на плечи и в дом бороздой ушла.

Постоял Фока носом в малинник, постоял и тоже пошёл. Но воображение до того разыгралось, что эта задница так и стоит перед глазами. Кожа нежная, будто масло сливочное. Ямочки Фоке улыбаются, подмигивают... Шёл Фока, шёл, будто пьяный, пока... тррах! На фонарный столб налетел, ажно искры из глаз посыпались.

Но после столба начал понемногу соображать. В себя пришёл. И думает: да что ж это за жизнь была у него такая, пропади она пропадом! Тридцать пять лет уже начерно, считай, прожил. Обиняками, мимо главной своей цели.

А цель вон она – мимоходом, случайно сквозь малинник узрел. Только-только руку протянуть...

А если бы не узрел, а? Мимо прошёл? Это что, ещё тридцать лет коту под хвост?

От такой перспективы Фока вовсе в ужас пришёл. И сделал главный для себя жизненный вывод: «Зачем совершать революции, если тебе нужна всего лишь толстая, ядрёная задница?» На кой хрен сыр-бор городить?! А, люди?..

Домой Фока прилетел как на крыльях и с порога объявил матери, что всё, окончательно намерен жениться. Сразу же, как только найдёт подходящую задницу. Тыфу, женщину, конечно.

Мать обрадовалась, прослезилась даже. Давно с отцом Фоку обженить хотели. Чтобы угомонился хотя. Недаром ведь сказано: жениться – заново родиться. Ну и то слава богу. Лучше поздно, чем никогда.

Вскоре весь городишко прослышал, что Фока собрался жениться. Правда, кто знал Фоку поближе да получше, те заподозрили, что и с женьитьбой без выкрутасов не обойдётся. Уж больно мужик заковыристый. Так оно и вышло в конце концов. Отчего-то вбил себе Фока в голову, что в идеале его будущая супружница – это сплошная круглая задница с голубыми васильковыми глазами. Чтобы поперёк было шире, чем вдоль. Вот такая вот блажь на него нашла. И на том упёрся.

Ещё Пушкин, кажись, отметил, что найти широкую задницу на Руси куда проще, чем пару хороших ножек. Вот все толстухи, которые не замужем, потянулись к Фоке в дом. Кого-то мать пригласит на смотрины, иную дружки, знакомые приведут, а какая-то, глядишь, сама зайдёт ненароком будто. То она адресок перепутала, то огурцов прикупить собралась. Не продадут ли хозяева?

Вначале Фока миндальничал с невестами, то да сё, намёками объяснял. А потом, когда досаждают стали, напрямую предлагал:

– Нам с тобой жить, девушка, поэтому свой товар ты прямо сейчас по-

казывай, чтобы потом у нас без претензий было. Кота в мешке я брать не стану.

Иная девка, конечно, засмущается. Краской её до бровей зальёт. Но в основном бабы у нас – народ простой, с пониманием реагируют. А другой и вовсе в радость задницу мужику показать. Любуйся, дурень, сколь влезет, только руки не распускай.

Посмотрит Фока слева, справа, вокруг обойдёт. Вроде и невесту жаль обидеть, вишь, как стоит, даже нагнулась, чтобы впечатление произвести, а не возбуждает... вернее, не вдохновляет задница. Вроде и широкая, ничё не скажешь. Но плечи того шире. И шеи совсем нет. Или талия у девушки напрочь отсутствует. Или живот на колени фартуком свисает. Кожа нечистая, вся в прыщах. Или вся в ямах, бугристая. Шершавая на ощупь. Слишком волосатая... или слишком плоская...

Короче, к тому времени, когда поток невест начал иссякать, Фока уже знал, что в России не только пару хорошеньких ножек днём с огнём не сыскать, но и порядочной задницы тоже нету. Да и откуда ей взяться, если вся Россия, начиная с 17-го года, на одной картошке живёт? Вот разве что в Москве поискать среди тамошних дамов, сладко поенных-кормленных. А ведь казалось, оно так близко, счастье, только руку протяни. Сквозь малинник.

Фока так и сделал однажды, когда надоело подолы заворачивать. Пошёл в дачный пригород искать ту самую весёлую задницу. Ходил-ходил и – не нашёл. Вроде всё облазил, нету, кругом одни малинники растут. Лицо у дачницы опять же не рассмотрел, не до лица было. И строение никак вспомнить не может.

Вернулся злой, лица на нём нет. Вдруг глядь, а на скамеечке под окном ещё невеста сидит. Как глянула на него васильковыми глазами, ласково так, тут Фока враз и сомлел. Забилось сердечко у бедолаги.

– Здравствуйте. Вы к кому? – робко так спрашивает тенором жиденьким вместо баса.

– Ой, извините! Вот с двумя сумками тащусь, сил никаких нету. Притомилась.

И вправду сумки стоят, две, неподъёмные. А уж Фока чует, нутром чует: всё, конец пришёл его поискам. И подол заворачивать никакой надобности. Как сказал Пушкин: «Птицу сразу видно, даже когда она ходит». Вернее, сидит. Во как! А эту ему, видно, сам бог послал.

– Может, квасу хотите? – это Фока в дом её зазывает. – А лучше чаю с мёдом. Матушка! – это он уже басом. – Ставь самовар, у нас гостя.

– Ой, не надо, а. Я пойду лучше, ладно?

– Как хотите. Только матушка на вас сильно обидится. А сумки вам я потом донесу. Вы далёко ли, голубушка, проживаете?

– Далёко. Я к тётке приехала повидаться. Ещё два квартала до неё топать.

– К Шубиной к Настасье, что ли? Племянница? Дуней звать?

– Да-а. Евдокией.

Зазвал, короче, Фока эту Евдокию в дом. Пока мать самовар вздувала, он её винцом угостил и задал наконец вопрос, который сильно его мучил:

– А давно ли вы замужем, милая?

Дуня головкой русой тряхнула, румянец на щеках полыхнул.

– Не замужем я, – отвечает. – Господи, кому нужна такая толстушка? И имя... Дуня. Будто корову назвали.

Шутит, конечно, Дуня, кокетничает. Но Фока шутку не поддержал. Глазами в стол упёрся, долго молчал. Потом говорит тихо, будто охрип:

– Мне нужна. Я, Дуняша, тридцать лет и три года тебя ждал. Спасибо, милая, что пришла.

Вскочила было девка из-за стола: мало ли психов-то? А потом смотрит, у мужика слёзы в глазах застыли. И сам в камень превратился, Дуниных слов будто приговора ждёт. Опустилась Дуня на табурет тихохонько, потом ладошку горячую на руку ему положила. А тут и мать с самоваром входит...

В общем, всё как нельзя лучше у них сладилось. Свадьбу отгрохали на весь мир. Весь город, считай, сбежался поглядеть какую такую необыкновенную задницу Фока наконец надыбал? А девкам со своей сравнить интересно чем же её-то хуже оказалась?

Сыграли молодые свадьбу, и Фока за один год дом на берегу поставил. Новый. Хоть и не в три этажа, но с мансардами, мезонинами, с хозяйственными постройками, баней сосновой рубленой. А остальные деньги, которые на киллера собирал, ребятишкам-беспризорникам раздал из рук в руки, чтобы чиновное ворьё не растащило. В общем, совсем мужик другой сделался, никто не узнает. Будто родился заново. Бывалоча, поставит Фока во время любовных утех свою любушку на коленки, ру-

кой огладит по всем ямочкам, ложбиночкам, а у самого слёзы на глазах кипучие. Вот она, его необъятная держава, смысл всей его непутёвой жизни, его милая-милая родина. Другую родину – с резиновыми милицейскими палками, повальным воровством и пьянством – он знать больше не желает. Гори она синим пламенем!

А ещё любил Фока выйти тихим вечером в огород, сесть поудобнее на межу под калиной и глядеть, как его Дуняшка-красавица морковку прореживает. Халатик на Дуняшке коротенький... Ох, знала бабонька, чем мужика ублажить. И такая между ними игра началась чудная, словами нипочём не пересказать...

Господи, господи! А моя-то морковная грядка где, а?

*Записано со слов
И. Наговицина,
доверенного лица кандидата
в депутаты В. Фокина*